

ГЛАВА 1

ПРЯМИКОМ К КАТАСТРОФЕ

Я был очень гневливым человеком. Проблема заключалась в том, что я об этом не подозревал. Мне казалось, никто не знает меня лучше, чем я сам, а я отнюдь не считал себя таковым. Нет, я, разумеется, никогда не воображал себя верхом совершенства и, конечно же, понимал, что в моей жизни есть другие люди, которые мне нужны, но жил так, словно ни в ком не нуждался. Луэлла, моя дорогая жена, всякий раз с мягкой непреклонностью обращала мое внимание на эти приступы раздражения. Она никогда не повышала на меня голос, не бранила и не укоряла в присутствии наших детей. Она только снова и снова повторяла, что моя злость несправедлива и недопустима.

Оглядываясь назад, я не устаю удивляться бесконечному терпению и твердости, выказанным ею в те трудные дни. Позже я узнал, что Луэлла тогда готовила свой план избавления от этой напасти. Нет, разводиться со мной жена не собиралась; просто она знала: чтобы мы смогли примириться и жить в супружестве так, как заповедал Бог, порочный круг моей гневливости должен быть разорван.

Когда она упрекала меня в очередной вспышке злости, я всегда реагировал на это одинаково. Запахнувшись поплотнее в тогу праведности, я включал внутреннего адвоката и напоминал Луэлле, какой у нее замечательный муж. обстоятельно, пункт за пунктом, я перечислял давно затверженный мною наизусть и довольно-таки пространный список благодеяний, которыми я осчастливил ее

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАСТОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

и облегчил ей жизнь. Я домосед. Я не против того, чтобы помогать ей по хозяйству. Я люблю готовить. И так далее, и тому подобное – у меня в запасе было множество выдающихся достоинств. Указывая на них, я утверждался в мысли, что не так уж я плох, как думает моя жена, и надеялся убедить ее, что она ошибается. Но на Луэллу это не производило никакого впечатления. Наоборот, она все больше убеждалась в своей правоте и в том, что пора бы мне задуматься над собой. Я же хотел, чтобы она просто оставила меня в покое, но она никак не соглашалась, чем, признаться, раздражала меня еще больше.

Вспоминая об этом, я с ужасающей ясностью понимаю, что тогда я двигался напрямик к катастрофе. Я собственными руками подрывал и свой брак, и свое служение – и не имел об этом ни малейшего понятия. Моя частная жизнь вопиюще не соответствовала моему служению на общественных началах. Раздражительный и нетерпимый отец семейства разительно отличался от милосердного и терпеливого пастора, представавшего перед своей паствой на богослужениях и церковных собраниях. То, что должно было тревожить и обличать меня, внушало мне чувство непоколебимого спокойствия и довольства. На мой взгляд, все обстояло просто превосходно. Ни в каких переменах я не нуждался. Я в упор не замечал духовной болезни, разделившей надвое мою личную жизнь и личное служение. Все это могло бы закончиться очень печально, не будь я сыном неустанного Искупителя, Который никогда не бросает на полпути начатое дело и непременно доводит его до конца. Я и представить себе не мог, что в один прекрасный день действием спасительной благодати Он обнажит передо мной мое сердце. Я был слеп и день ото дня ожесточался все больше и при этом весьма успешно вел работу в растущей поместной церкви и христианской школе.

Когда Луэлла подходила ко мне с упреками, я обычно говорил, что она просто ворчунья. Я обещал, что буду молиться за нее, воображая, что это помогает и утешает ее! На деле же все обстояло совершенно иначе: мои слова, во-первых, ясно показывали ей, насколько я слеп, а во-вторых, напоминали, что она не в силах ничего

Пряником к катастрофе

с этим поделаться. Для того чтобы я смог измениться, требовалось вмешательство благодати. Луэлла хорошо понимала, что всегда будет лишь орудием в могучей Божьей деснице.

Но Бог благословил мою жену стойкой верой в то, что она не должна оставлять своих попыток достучаться до моего сердца, сколь бы безнадежными они ни выглядели. То, о чем сейчас я скажу, одновременно и пристыдило, и озадачило меня. Как-то раз, когда жена сделала мне очередное замечание насчет моей вспыльчивости, я немедля оседлал своего любимого конька и произнес следующие, исполненные глубокого смирения, слова: «Девяносто пять процентов женщин в нашей церкви почли бы за счастье иметь такого мужа, как я!» (Хорош смиренник, не правда ли?) На что Луэлла, не задумываясь, ответила, что она принадлежит к оставшимся пяти процентам!

Каким же безрассудством надо было обладать, чтобы позволить себе сказать такое! Бог уже собирался разрушить и заново соткать мое сердце и мою жизнь, а я и понятия не имел, что нуждаюсь в этом и что это вот-вот произойдет.

На выходных вместе с моим братом Теддом мы побывали на двухдневном учебном практикуме и теперь возвращались домой. Мог ли я подумать, что эта поездка по Северо-западному участку Пенсильванской автомагистрали станет важнейшим событием моей жизни! Тедд завел разговор о том, что нужно бы попытаться применить все, что мы узнали за эти два дня, на собственном опыте. Он сказал: «Может, и тебе стоит попробовать?» – и стал задавать мне один вопрос за другим. Думаю, о том, что случилось дальше, я буду ликовать в вечности десять миллионов лет.

С каждым вопросом Тедда я испытывал какое-то невероятное чувство: словно Бог срывал завесы с моих глаз и ушей, и я впервые явственно видел и слышал себя. Обмануться было невозможно: в те мгновения через вопросы брата действовал Святой Дух.

Прозрение не просто огорчило – оно буквально сокрушило меня. То, что открылось мне в вопросах Тедда, так не походило на мое привычное, устоявшееся за много лет представление о самом себе! Поверить, будто человек, которого я теперь хорошо видел

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАСТОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

и слышал, и я – одно и то же лицо, было невозможно. Но это была правда. Я подробно отвечал на расспросы брата, а в голове билась мысль: неужели все это говорил и делал я? Это был миг очевидного и мощного божественного освобождения – миг, всю величину которого я, взволнованный и потрясенный происходящим, был еще бессилён понять. Не знаю, понимал ли тогда мой брат всю значимость момента.

Мне не терпелось поскорее добраться домой и поговорить с Луэллой. Я знал, что такое внутреннее озарение было не только делом Божьих рук, но и плодом многолетних терпеливых усилий моей любящей жены. Я люблю посмеяться и обычно вхожу в дом с какой-нибудь забавной шуткой. Но в тот раз все было иначе. Я находился во власти новых мучительных ощущений, ведь в моем сердце, в моей жизни наступал резкий перелом. Думаю, Луэлла по моему виду сразу поняла: со мной что-то происходит. Хотя время было позднее, я спросил, можем ли мы с ней поговорить. Мы сели, и я сказал: «Я часто бываю злым и раздражительным. Ты все время старалась обратить на это мое внимание, а я знать ничего не хотел. Я всегда тебе возражал, но теперь впервые могу сказать честно: я готов тебя выслушать. Я хочу услышать, что ты скажешь».

Того, что случилось дальше, я никогда не забуду. Луэлла заплакала. Она сказала, что любит меня, и потом говорила целых два часа. В эти два часа Бог начал процесс коренного преобразования моего сердца. *Процесс* – самое главное слово. Я переменялся не в мгновение ока и стал незлобивым не в одну секунду. Просто отныне я был человеком с открытыми глазами, ушами и сердцем. Следующие несколько месяцев оказались для меня неимоверно тяжкими. Куда бы я ни смотрел, везде и во всем мне виделся мой гнев. Иногда мучения казались нестерпимыми. Но то были благодатные муки. Мой гнев, который я отрицал и в то же время оберегал от посторонних посягательств, Бог делал для меня омерзительным. Бог делал все для того, чтобы я никогда больше не возвращался к прошлому. Я чувствовал себя пациентом под скальпелем хирурга, только операция, производимая надо мной, была духовной. Мои мучения говорили не о том, что

Пряником к катастрофе

Бог отнимает у меня Свою любовь и благодать. Совсем наоборот! Боль, которую я испытывал, явно показывала, что Бог щедрой рукой изливает на меня и любовь, и благодать. Острое сознание своей греховности стало для меня испытанием, в котором я обрел то, о чем так часто молился, – освящение моей души.

Никогда не забуду один эпизод, случившийся через несколько месяцев после той ночи духовного обличения и освобождения. Спускаясь по лестнице в гостиную, я увидел Луэллу, сидевшую ко мне спиной. Глядя на нее, я вдруг поразился тому, что уже не помню, когда в последний раз гневался на нее. Я не хочу сказать, что достиг в своем освящении таких высот, когда вспышки нетерпения или раздражения сделались для меня невозможными – но застарелый, безобразный гнев, властвовавший в моей жизни, ушел. Слава Богу! Я подошел к жене сзади и положил руки ей на плечи. Она запрокинула голову и поглядела на меня. Я сказал: «Знаешь, я больше на тебя не злюсь». И мы оба засмеялись и заплакали перед красотой этого Божьего деяния.

Я НЕ ОДИНОК

Как бы мне хотелось сказать, что мой пасторский опыт был единственным в своем роде! Посещая в миссионерских поездках сотни церквей по всему миру, я убеждался, что, к сожалению, это не так. Детали, конечно, могут различаться, но резкое несоответствие между публичной персоной, коей является пастор, и частным лицом, в которое он превращается у себя дома, присутствует в жизни очень многих пасторов. Мне приходилось слышать столько историй, содержащих личные исповеди, что я увозил с собой чувство горечи и тревоги за состояние пасторской культуры нашего поколения. Бремя этой тревоги вместе с тем, что довелось пережить мне самому, и опытом преображающей Божьей благодати привели меня к решению написать такую книгу.

На мою жизнь оказывали влияние три подспудных фактора, которые, как я мог убедиться, действовали и у многих пасторов, с кем мне довелось беседовать. Эти глубинные факторы некогда составляли основу моей духовной слепоты, как это происходит

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАСТОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

и сегодня с неисчислимым множеством пасторов по всему земному шару. Пусть же разговор о них послужит нам отправной точкой для исследования тех мест, где пасторская культура, возможно, не достигает библейского уровня, а также для обсуждения тех искушений, которые либо изначально присущи пасторскому служению, либо обостряются в ходе его.

1) Я ОТОЖДЕСТВЛЯЛ СЛУЖЕНИЕ СО СВОЕЙ ЛИЧНОСТЬЮ

В свое время я уже писал об этом, но повторюсь, так как считаю, что людям, занятым в христианском служении, крайне важно понимать, о чем идет речь. Я всегда говорю так: «Никто не оказывает большего влияния на твою жизнь, чем ты сам, потому что никто не разговаривает с тобой больше, чем ты сам». Сознательно или бессознательно, но мы ведем непрерывный разговор с собой, и наше мнение о себе формирует наш образ жизни. Этот разговор касается нашей индивидуальности, духовности, функциональности, эмоций, ментальности, личности, отношений и так далее. Мы непрерывно проповедуем себе некое евангелие. Мы проповедуем себе либо антиевангелие о собственной праведности, мощи и мудрости, либо истинное Евангелие о глубокой духовной нужде и достаточной благодати. Мы проповедуем себе либо антиевангелие о своем одиночестве и несостоятельности, либо истинное Евангелие о близости, щедрости и могуществе Христа, Который постоянно находится с нами.

Тон этого внутреннего разговора задает то, что мы говорим себе о своей индивидуальности. Люди всегда тем или иным образом идентифицируют себя. При этом они смотрят только в двух направлениях: либо определяют свою идентичность «по вертикали», исходя из того, кем они являются во Христе, либо ищут свою индивидуальность «по горизонтали» в обстоятельствах, опыте и отношениях повседневной жизни. Так поступают все без исключения, но я убежден, что особым искушением «горизонтальные» поиски становятся для тех, кто занимается пасторской деятельностью.

Пряником к катастрофе

Данная самоидентификация отчасти была причиной того, что я не замечал огромного разрыва между тем, что происходило в моем общественном служении и в моей семейной жизни. Я отождествлял себя со своим служением. Я не считал себя Божиим ребенком, который каждый день нуждается в благодати, с трудом продвигается вперед по пути освящения, по-прежнему борется с грехом, испытывает необходимость в Теле Христовом и призван к пасторскому служению. Нет, я считал себя *пастором*. Вот и все, и добавить тут нечего. Пасторская служба означала для меня нечто большее, чем призвание и ряд отпущенных Богом даров, признанных Телом Христовым. Слово «пастор» определяло мою личность. Я *был* пастором, и это мое *бытие* оказалось куда опаснее, чем я мог бы предположить. Объясню духовную динамику этого явления.

Каким-то образом, невидимо для моих глаз и неведомо для моего сердца, мое христианство перестало быть отношениями с Богом. Я, разумеется, знал, что Бог – мой Отец, а я – Его дитя, но на практическом уровне все выглядело иначе. Моя вера превратилась в профессию. Она сделалась моей работой. Мое пасторство стало мерилom моего самосознания. Оно начало определять мое отношение к Богу. Оно формировало мои отношения с людьми. Мое призвание обратилось в мою сущность. Я очутился в опасности, сам того не подозревая. Внешним признаком того, что я ступил на пагубный путь, оказалась моя гневливость. Не будь ее, это выразилось в чем-нибудь еще.

На свете много таких же раздражительных и ожесточенных пасторов: один из них испытывает социальный дискомфорт, другой страдает от семейных неурядиц, третий не может найти общего языка со своими сотрудниками или светскими лидерами, а кто-то борется с тайным, исповеданным грехом – и это не кажется мне удивительным. Не оттого ли возникают наши внутренние борения, что мы привыкли смотреть на себя и определять себя не вполне библейским образом? Отсюда ощущение, что мы уже не столь остро нуждаемся в Боге и в других людях. А поскольку наша нужда в них уже не столь велика, то нет и прежней открытости ни к увещаниям ближних, ни к обличениям Духа.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАСТОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наши личные отношения с Богом становятся сухими и безжизненными, как будто из них выкачали кровь. Живое, сердечное поклонение затруднительно для человека, считающего, что он во всем преуспел. Никто не способен прославить присутствие и благодать Господа Иисуса Христа больше, чем человек, осознавший, что он до крайности нуждается в этом, причем нуждается ежедневно. Но мое служение изменило меня. Разными путями, о которых даже говорить неловко, оно убедило меня в том, что я не такой, как все прочие, что я принадлежу к особой, уникальной категории людей. А раз я не такой, как другие люди, не нужно мне и то, в чем испытывают нужду они. Если бы сейчас мне сказали нечто подобное, я бы ответил, что все вздор; но именно так я когда-то думал и действовал.

Знаю, что в этом я не одинок. К этой несуществующей категории причисляют себя многие пасторы. Как и я, они заблуждаются, считая себя отличными от других. Поэтому у них развиваются неправильные взгляды и духовно опасные привычки. У них молитвенная жизнь либо отсутствует вовсе, либо замещена подготовкой к проповедям, чем они, впрочем, охотно довольствуются. Они чувствуют себя уютно, существуя вне Тела Христова или над ним. Они с готовностью служат другим, но редко позволяют, чтобы кто-то послужил им. Они давно не пытаются увидеть себя со стороны и потому не склонны терпеть ничьих увещаний, даже сделанных с любовью. Свою мнимую «уникальность» они несут домой, и в обращении с домочадцами часто бывают надменны и нетерпеливы.

Эта ложная идентичность, которую многие из нас приписывают себе, постепенно формирует наш взгляд на окружающих и реакцию на их действия. Когда ты знаешь, что истина, которой ты хочешь поделиться с другими людьми, нужна, как воздух, тебе самому, ты будешь исполнен любви, терпения, милосердия и снисхождения к людям. Ты будешь и смирен и кроток, зная, что человек, которому ты служишь, во многом схож с тобой. Если же ты причисляешь себя к иной категории, дающей тебе чувство преуспеяния, то будешь склонен к осуждению и нетерпимости.

Пряником к катастрофе

Я слышал одного пастора, который, сам того не желая, подтвердил эту мысль. Мы с моим братом Теддом были однажды на большой конференции, посвященной вопросам христианской жизни, где один известный пастор рассказывал о семейном поклонении. Он говорил о том, с каким рвением, строгостью и преданностью относились великие отцы нашей веры к личному и семейному поклонению, и ярко обрисовывал такое поклонение. Думаю, все мы, слушавшие его, были подавлены и обескуражены сознанием своей несостоятельности в сравнении с этими выдающимися мужами веры. Бремя наших несовершенств ощутимо тяготело над нами. Я все твердил про себя: «Утешь нас благодатью, утешь нас благодатью!», но о благодати так и не было сказано ни слова.

На обратном пути в гостиницу мы с Теддом ехали в одной машине с оратором и еще одним пастором, который сидел за рулем. Наш водитель, явно находясь под гнетущим впечатлением от услышанного, задал оратору блестящий вопрос: «А вот если бы ваш прихожанин подошел к вам и сказал: «Пастор, я знаю, что должен наставлять в Божьей истине своих домашних, восхвалять Бога и молиться со всей семьей. Но у меня дома творится такая неразбериха, что утром я едва успеваю поднять детей с постели, накормить и отправить в школу. Так что я очень сомневаюсь, смогу ли я потянуть еще и семейное поклонение», – что бы вы ему ответили?» (Могу вас заверить, что в ответе, приводимом мною ниже, я не прибавил и не убавил ни единого слова). Пастор ответил: «Я бы сказал этому человеку так: «Я – пастор и, следовательно, несу бремена куда более тяжкие, и притом не за двух-трех домочадцев, а за многих людей. Коль скоро я в состоянии ежедневно вести семейное поклонение, то и ты можешь и должен делать то же»».

Может быть, он сказал так, оттого что находился в обществе других пасторов, но таковы были его доподлинные слова! Этот пастор ни на миг не отождествил себя с воображаемым прихожанином и его тяготами. В его словах не слышалось отзвука благодати. Снисходя к прихожанину из сфер, недоступных его пониманию, он придавал его еще более тяжким игом закона – как, к сожалению, поступал и я со своей женой и детьми.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАСТОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Услышав такой ответ, я поначалу рассердился, но потом вспомнил, сколько раз и я вел себя точно так же. Своим домашним я раздавал обвинительные приговоры, что называется, направо и налево, и был весьма скуп на милость. Однако здесь действовал еще один фактор, куда более опасный. Сознание своей «уникальности» не только определяло мои отношения с окружающими, но и разрушало мои отношения с Богом. Не замечая того, что творилось в моем сердце, я был гордым, неприступным, обидчивым и самодовольным. Я был пастором, следовательно, уже не нуждался в том, в чем нуждались другие. Хочу еще раз подчеркнуть, что на концептуальном, богословском уровне я бы с уверенностью объявил это несусветной чушью.

Пасторство было моим призванием, а не сущностью. Дитя Всевышнего Бога – вот моя сущность, приобретенная ценой крестной жертвы. Член Тела Христова – вот моя сущность. Человек, находящийся на полпути к своему освящению, – вот моя сущность. Грешник, который по-прежнему нуждается в спасительной, преобразующей, укрепляющей и освобождающей благодати Божьей, – вот моя сущность. Я не сознавал, что ищу вокруг себя того, что уже было мне дано во Христе, и что от этого и в моем сердце, и в моем служении, и в моих взаимоотношениях произрастает дурной плод. Я позволил своему служению стать тем, чем оно никак не должно было быть, то есть моей сущностью. Я искал в нем того, чего оно никак не могло мне дать, то есть внутреннего чувства благополучия.

2) Я ПОЗВОЛЯЛ БИБЛЕЙСКОЙ ГРАМОТНОСТИ И БОГОСЛОВСКИМ ЗНАНИЯМ ОПРЕДЕЛЯТЬ УРОВЕНЬ МОЕЙ ДУХОВНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Это в известной степени связано с темой, о которой только что шла речь, но в то же время представляет достаточно самостоятельную категорию, заслуживающую отдельного разговора. В определении духовной зрелости в служении и ее плодов очень легко допустить тонкое, но весьма существенное изменение. Ее изначальное определение коренится в нашем понятии о том, что́ есть грех и каковы его плоды. Думается, многие пасторы привносят в свое слу-

Прямоиком к катастрофе

жение ложное определение зрелости, считая ее результатом академического приобщения к традициям и нормам христианской культуры, которое происходит в семинарии.

Объясню эту мысль подробнее. Поскольку семинария «академизирует» веру, обращая ее в систему идей, подлежащую освоению (и об этом мы с вами еще будем говорить ниже), то студенты легко обманываются, полагая, что библейская зрелость заключается в овладении верной богословской доктриной и в доскональном знании Писания. Поэтому выпускники семинарии, будучи сведущими в богословии и в Библии, считают себя зрелыми христианами. Но зрелость – это плод не только умственного труда (который, впрочем, является важным элементом духовной зрелости). О духовной зрелости человека судят по тому, какую жизнь он ведет. Можно быть великолепно подкованным богословски и в то же время совершенно незрелым духовно. Можно обладать библейской грамотностью и в то же время быть духовным недорослем.

Я окончил семинарию с отличием. Я был лауреатом многих академических наград. Я считал себя духовно зрелым человеком и, если кто-то придерживался на этот счет иного мнения, я думал, что меня не понимают и недооценивают. Мало того, такие моменты я принимал как свидетельство неизбежных гонений, которым подвергается всякий служитель Евангелия.

В действительности речь идет о непонимании самой сущности греха и благодати. Дело в том, что грех – проблема в первую очередь не интеллектуальная, хотя он, безусловно, затрагивает мое мышление, как, впрочем, и все стороны моей деятельности. Грех – прежде всего проблема нравственная. Это мой мятеж против Бога и мое стремление присвоить славу, которая принадлежит Ему. Грех не просто нарушение некоего свода правил. Прежде всего грех – это нарушение отношений с Богом, и только после того, как я нарушил эти отношения, я естественным образом восстаю против установленных Богом правил. Так что в обновлении (посредством здравого библейского учения) нуждается не только мой разум: в восстановлении (с помощью благодати Господа Иисуса Христа) нуждается мое сердце. Восстановление моего сердца –

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАСТОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

это и единовременное событие (оправдание), и долговременный процесс (освящение). Следовательно, семинарское образование не разрешает моей главной проблемы – греха. Оно может содействовать ее разрешению, но может и ослепить меня, лишив способности видеть истинное состояние моего сердца, – ведь я определяю духовную зрелость иначе, чем это делает Писание. Библейская зрелость ни в коем случае не сводится исключительно к богословской грамотности и знанию Библии; она всегда определяется тем, как благодать распоряжается полученными вами знаниями, преобразуя вашу жизнь.

Вспомним Адама и Еву. Они послушались Бога не в силу своей невежественности (то есть по незнанию Божьих повелений). Нет, они сознательно преступили положенные Богом границы, потому что стремились сделаться равными Ему.

Духовная битва в Эдеме разворачивалась на поле внутренних устремлений Адама и Евы. А это куда более глубокий уровень, чем просто знание. Вспомним Давида. Разве он завладел Вирсавией и послал на верную смерть ее мужа, потому что не знал о Божьих заповедях, запрещающих прелюбодеяние и убийство? Нет, Давид сознательно пренебрег Божьими запретами. Он стремился любой ценой удовлетворить свои желания.

Вспомним о том, что значит быть мудрым. Между знанием и мудростью существует огромная разница. Знание – это верное понимание истины. Мудрость – это понимание истины и жизнь в свете этой истины, применение ее к повседневным обстоятельствам и отношениям. Знание – акт умственной деятельности. Мудрость – приверженность сердца, ведущая к преобразению всей жизни.

Сам того не ведая, я ступил на путь пасторского служения, вооруженный отнюдь не библейским взглядом на духовную зрелость. Сейчас мне страшно даже говорить, но в ту пору я думал, что достиг полного преуспевания. Я казался себе вполне зрелым христианином, хотя до этого мне было еще очень далеко. Поэтому, когда Луэлла мягко и с любовью упрекала меня за вспыльчивость, я считал, что она неправа по определению. Дальше – больше: по-

Пряником к катастрофе

степенно я пришел к убеждению, что в ней-то и заключалась вся проблема. Поэтому я не видел для себя никакой нужды в переменах, отвергал всякие попытки вразумить меня и использовал библейские и богословские знания для своей защиты. Дела мои были плохи, а я об этом даже не подозревал.

3) СВОИ УСПЕХИ В СЛУЖЕНИИ Я ПРИНИМАЛ ЗА БОЖЬЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО И ПОДДЕРЖКУ МОЕГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Пасторское служение радовало меня. Церковь росла численно, а люди, как мне казалось, росли духовно. Все больше людей присоединялось к нашему живому сообществу веры, и мы видели, какие духовные сражения происходят в их жизни. Христианская школа, которую мы основали, успешно росла, имела добрую репутацию и расширяла свое влияние. Мы понемногу начинали готовить церковных лидеров. Не скажу, что все у нас шло без сучка и задоринки, случались и неприятные, тяжелые моменты. Но я встречал каждый новый день с чувством удовлетворения, оттого что Бог почтил меня привилегией служить Ему на этом поприще. Я возглавлял сообщество верных, и Он благословлял мои усилия.

Но эти благословения я толковал превратно. Сам того не сознавая, я принимал Божью верность – и мне, и Своему народу, и созиданию Его Царства, и предвечному замыслу спасения, и Своей церкви – как покровительство, оказываемое мне лично, словно бы я был у Бога «своим человеком», и Он поддерживал меня во всем. Так я рассматривал свое служение и, что гораздо важнее, себя самого. Я не раз говорил Луэлле (вспоминать об этом неловко, но сознаться в этом необходимо): «Если я так уж плох, то почему Бог благословляет все, к чему бы я ни приложил руки?» Бог действовал так не из сочувствия к моему образу жизни, а из старания к Своему славному делу и из верности обетованиям благодати, которые Он дал Своему народу.

Бог властен и вправе действовать так, как Ему угодно, и использовать для Своих целей любые инструменты, какие Он пожелает. Успех того или иного служения в первую очередь показывает величие Бога, а не достоинства людей, которых Он привлекает для

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАСТОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

исполнения Своих замыслов. Я же понял все по-своему. Я ставил себе в заслугу то, на что не имел права и чего не в состоянии был сделать. Я считал, что добился всего своими силами. Я не видел, что иду напрямиком к катастрофе, и только Божья благодать способна удержать меня от гибели.

Я нуждался в спасительной благодати, и Бог дал мне ее – посредниками при этом стали верность Луэллы и «хирургические» вопросы Тедда. А что скажете вы? Какое ваше мнение о себе? Что вы обычно говорите себе о себе? По каким признакам вы делаете вывод, что отличаетесь от тех, кому вы служите? Считаете ли вы себя проповедником благодати, который также нуждается в ней? Свыклись ли вы с мыслью, что Евангелие, которое вы проповедуете, не сообразуется с вашей личной жизнью? Вы замечали, что ведете себя дома иначе, чем на людях? Думаете ли вы, что никто не может судить о вас вернее, чем вы сами? Используйте ли вы свои знания и опыт как защиту от увещателей и обличителей?

Пастор, не нужно бояться того, что обнаружится в твоём сердце, и опасаться, что об этом узнают все, ведь в тайниках твоей души нет ничего такого, что не было бы искуплено драгоценной Кровью нашего Царя и Спасителя, Иисуса Христа.